

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.34

**Квалификация вандализма, совершенного
по экстремистским мотивам****Ю. Д. Налимов¹** ✉¹Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

ул. академика Волгина 12, г. Москва 117437, Российская Федерация

✉ e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Анализ судебно-следственной практики и опрос практических сотрудников показали, что квалификация вандализма, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы (экстремистские мотивы), вызывает ряд сложностей у правоприменителя. Оценочность понятий и отсутствие их толкования способствуют принятию неверных решений и выступают причиной ошибочной квалификации.

Цель – по результатам проведения комплексного анализа признаков экстремистских мотивов, изучения судебных решений и научной литературы разработать обоснованные предложения, способствующие правильной квалификации вандализма, совершенного по исследуемым мотивам.

Задачи: исследовать категориально-понятийный аппарат, составляющий содержание экстремистских мотивов, с целью толкования понятий и выявления дефиниций, вызывающих трудности у субъектов правоприменения и требующих разъяснения на уровне судебного толкования, либо внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации. В ходе изучения судебно-следственной практики и научной литературы обратить внимание на моменты, вызывающие сложности при квалификации и сформулировать предложения по их устранению.

Методология. Основой исследования являются общенаучные методы (диалектический, анализ, синтез) и частнонаучные (формально-юридический и социологический).

Результаты. В исследовании проанализированы признаки вандализма, совершенного по экстремистским мотивам, и точки зрения ученых по квалификации рассматриваемых побуждений с учетом разных критериев и сложившейся правоприменительной практики. Также были выявлены пробелы в действующем законодательстве, вызывающие трудности при квалификации вандализма, совершенного из указанных побуждений.

Выводы. На основе судебно-следственной практики и научной литературы в статье сформулированы выводы и внесены научно обоснованные предложения по квалификации вандализма, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы.

Ключевые слова: вандализм; экстремистские мотивы; квалификация вандализма; квалифицирующие признаки; экстремистская деятельность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Налимов Ю. Д. Квалификация вандализма, совершенного по экстремистским мотивам // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 4. С. 100–110.

Поступила в редакцию 30.06.2021

Принята к публикации 29.07.2021

Опубликована 30.08.2021

Qualification of Vandalism Committed for Extremist Reasons

Yuri D. Nalimov¹ ✉

¹ Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya
12 Akademika Volgina str., Moscow 117437, Russian Federation

✉ e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru

Abstract

Relevance. The analysis of judicial and investigative practice and the survey of practical staff showed that the qualification of vandalism committed on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or hatred or enmity against a certain social group (extremist motives) causes a number of difficulties for the law enforcement officer. The evaluation of concepts and the lack of their interpretation contribute to making incorrect decisions and cause erroneous qualification.

Purpose. Based on the results of a comprehensive analysis of the signs of an extremist motive, the study of court decisions and scientific literature, to develop reasonable proposals that contribute to the correct qualification of vandalism committed for the studied motives.

Objectives: to investigate the categorical and conceptual apparatus that makes up the content of extremist motives, in order to interpret concepts and identify definitions that cause difficulties for law enforcement subjects and require clarification at the level of judicial interpretation, or amendments to the Criminal Code of the Russian Federation. During the study of forensic investigative practice and scientific literature, pay attention to the points that cause difficulties in qualification and formulate proposals for their elimination.

Methodology. The research is based on general scientific methods (dialectical, analysis, synthesis) and private scientific methods (formal legal and sociological).

Results. The study analyzes the signs of vandalism committed for extremist motives, considers the points of view of scientists on qualifications, the motives under consideration, taking into account different criteria and established law enforcement practice. There were also identified gaps in the current legislation that cause difficulties in qualifying vandalism committed from these motives.

Conclusions. On the basis of judicial and investigative practice and scientific literature, the article draws conclusions and makes scientifically based proposals for the qualification of vandalism committed on the grounds of political, ideological, racial, national or religious hatred or enmity, or hatred or enmity against a certain social group.

Keywords: vandalism; extremist motives; qualification of vandalism; qualifying signs; extremist activity.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Nalimov Yu. D. Qualification of Vandalism Committed for Extremist Reasons. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021; 11(4): 100–110. (In Russ.)

Received 30.06.2021

Accepted 29.07.2021

Published 30.08.2021

Введение

Экстремизм в результате масштабного распространения за короткий период времени стал одной из основных угроз общественной безопасности в России. В результате чего законодателем была установлена повышенная ответственность за преступления, совершенные по экстремистским мотивам. Вандализм не стал исключением, и при его совершении по исследуемым побуждениям виновное

лицо привлекается к ответственности по ч. 2 ст. 214 УК РФ [1, с. 123].

В науке уголовного права ведутся дискуссии по поводу квалификации преступлений, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы. В некоторых моментах мнения ученых расходятся и даже проти-

воречат друг другу. У практических работников также возникают сложности при квалификации вандализма по рассматриваемому квалифицирующему признаку. По указанным причинам проводимое исследование считается актуальным и требуется детальное рассмотрение применения указанной правовой нормы.

Методология

Методологической основой исследования выступил диалектический метод, в результате применения которого были разграничены признаки, характеризующие вандализм, совершенный по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо ненависти или вражды в отношении определенной социальной группы. Также указанный метод дал возможность выявить причины, способствующие возникновению сложностей при квалификации вандальных действий, совершенных по экстремистским мотивам, которые обусловлены оценочностью понятий, применяемых правовых норм и отсутствием их толкования. Анализ и синтез использовались при изучении понятийно-категориального аппарата, в свою очередь, позволили обосновать отличительные критерии исследуемых мотивов. Формально-юридический метод заключался в изучении действующих правовых норм, способствующих правильной квалификации вандализма, совершенного по экстремистским мотивам. Представляется, что предложенный алгоритм их применения позволит исключить квалификационные ошибки. Автором был применен социологический метод в форме опроса сотрудников правоохранительных органов с целью установления признаков рассматриваемых мотивов, которые вызывают наибольшие сложности у субъектов правоприменения при юридической оценке вандальных действий. Данным признаком оказалась «социальная груп-

па», которая подробно рассмотрена в исследовании.

Результаты и их обсуждение

Ответственность за вандализм, совершенный по экстремистским мотивам, закреплена в ч. 2 ст. 214 УК РФ. В соответствии с примечанием к ст. 282.1 УК РФ к общественно опасным деяниям экстремистской направленности относятся преступные посягательства, которые совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. В свою очередь, данному мотиву дается более широкое понимание в ст. 282 УК РФ, законодатель добавляет такие признаки, как пол, язык и происхождение, что важно учитывать при квалификации деяний по исследуемым побуждениям.

Субъектам правоприменения необходимо акцентировать внимание на основу экстремистского мотива, которой всегда выступают ненависть или вражда, определенные законодателем как разнопорядковые понятия. При их отсутствии квалификация деяния по экстремистским мотивам невозможна. Ненависть в толковом словаре трактуется как «чувство сильной вражды, злобы» [2, с. 408]. Под враждой, в свою очередь, понимаются «отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью» [2, с. 102].

Интерес представляет аспект, согласно которому вражда, кроме психической составляющей, включает в себя практическое деструктивное поведение, выражающееся в активных действиях виновного лица [3, с. 50]. Подобная деятельность говорит о большей степени общественной опасности такого явления, как вражда, поскольку предусматривает внешнюю деятельность субъекта преступления и является более широким понятием, которое включает в себя ненависть. Считается обоснованным, что преступные посяга-

тельства, совершенные из экстремистских побуждений по мотиву вражды, обладают более высокой степенью общественной опасности.

Для исключения ошибок при квалификации вандализма необходимо дать толкование категориально-понятийному аппарату, составляющему содержание экстремистских мотивов.

Преступления, совершенные по мотивам политической ненависти или вражды, характеризует их связь с деятельностью:

- органов государственной власти и управления (в вопросах социального строя и экономической структуры);

- общественных партий и других организаций, определяемой их целями [2, с. 357].

Политическая ненависть, или вражда, выражается в стойкой неприязни со стороны виновного, к деятельности лица, в отношении которого совершается преступное посягательство. Основой указанной деятельности является участие в органах государственной власти, политических партиях и общественных объединениях, в выборных мероприятиях и пр. [4, с. 10].

Вандализм по указанному мотиву совершается как представителями противоборствующих политических партий, так и лицами, которые отвергают политику. Лица, относящиеся отрицательно ко всем политическим деятелям, партиям и пр., как правило, стараются совершать вандальные действия в местах, которые посещает большое количество людей или размещать видео и фотоматериалы с результатом своих действий в сети Интернет, вызывая общественный резонанс. При совершении актов вандализма, содержащих оскорбление конкретного политического деятеля, являющегося представителем власти, требуется дополнительная квалификация по ст. 319 УК РФ.

Следующий признак, характеризующий экстремистские побуждения, – идеология представляет собой систему взгля-

дов и идей, выраженных в политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских формах общественного сознания [2, с. 236].

Как и религия, идеология имеет сильное психологическое воздействие на человека, особенно когда передача информации производится человеком, который пользуется авторитетом у лица, готовящегося к совершению общественно опасного деяния. По сравнению с религией у идеологии сфера воздействия на индивида шире, оказываемое влияние на его поведение более серьезное. Идеология способствует развитию личности, как в отрицательном, так и в положительном направлении.

Фундамент идеологии составляет общность мировоззрения индивида, с миропониманием какой-либо группы людей, объединенных едиными целями. Обоснованным представляется мнение Ю. Г. Касперович, что в таких случаях экстремистский мотив выступает не только внутренним побуждением виновного лица, но и совершение преступления является задачей организации индивидов, объединенных идеологией (единомышленников) [5, с. 81].

Представляется, что вандализм, совершенный по мотиву идеологической ненависти или вражды, поглощает мотивы религиозной и (или) политической ненависти или вражды, поскольку является более широким понятием. Данный момент следует учитывать при индивидуализации наказания, по причине повышенной степени общественной опасности преступлений, совершенных по мотивам идеологической ненависти или вражды.

Отличительный признак расовой принадлежности основан на специфических отличиях людей [2, с. 657]. Такими критериями могут выступать цвет кожи, профиль лица, разрез глаз. Ученые, проводящие исследования в области генетики, на сегодняшний день отмечают смешение рас и невозможности их четкого

разграничения. На основе таких выводов ставится вопрос о расовой актуальности и употребления данного термина.

Возможно, по указанным причинам, при изучении судебной практики не было выявлено решений с указанием только на расовый признак. При рассмотрении преступлений, ответственность за которые предусмотрена ч. 2 ст. 214 УК РФ, чаще встречается термин «национальность», который охватывается этническим признаком, либо правоприменитель употребляет указанные термины в совокупности, не разграничивая их.

Понятие «национальность» происходит от слова «нация», которое представляет собой совокупность людей, объединенных на определенной территории и имеющих общую культуру и другие признаки [2, с. 398].

В большинстве изученных уголовных дел лица, совершившие вандализм по указанному признаку поясняли, что национальность им была неизвестна и для виновного лица принципиальное значение имела неславянская внешность лица, в отношении которого совершалось преступное посягательство.

Также при изучении судебной следственной практики установлено, что вандализм, совершаемый по мотиву ненависти или вражды, на основе рассмотренных признаков во многих случаях дополнительно сопровождался надписями или изображениями, которые содержали:

а) публичные призывы к экстремистской деятельности, под которыми в уголовном праве понимаются обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [6, с. 152]. Они могут быть выражены в любой форме (устная, письменная, с использованием технических средств) [7, с. 91];

б) слова, фразы и т. п., возбуждающие ненависть либо вражду или унижающие человеческое достоинство по при-

знакам, характеризующим экстремистский мотив.

В таких ситуациях требуется дополнительная квалификация по ст. 280, 282 УК РФ либо ст. 20.3.1 КоАП РФ, которая должна осуществляться с учетом требований Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»¹, где конкретно указаны виды исследуемой деятельности, а также разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда о том, что наличие публичных призывов в каждом случае рассматривается с учетом всех конкретных обстоятельств (способа, времени и других значимых факторов)².

Религия представляет собой:

– форму общественного сознания в виде совокупности духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа;

– направление такого сознания (буддизм, ислам, христианство и пр.) [2, с. 657].

Мотив религиозной ненависти или вражды требует от правоприменителя глубоких знаний в этой области. Согласно Конституции РФ в нашем государстве индивид имеет право исповедовать любую религию. В свою очередь, закон защищает все виды религий, которые не запрещены в нашей стране. В судебной следственной практике имеют место случаи вандализма не только в отношении зданий православных храмов, но и в отношении мечетей, синагог и пр. В подобных ситуациях субъектам правоприменения важно установить наличие или от-

¹ О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: [ред. от 08.12.2020]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 01.05.2021).

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11: [ред. от 20.09.2018]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712 (дата обращения: 01.05.2021).

существование мотива религиозной ненависти или вражды при совершении акта вандализма, что бывает не так просто по причине незнания сути религиозных учений и иных обстоятельств. Представляется целесообразным в таких случаях проводить опрос представителей религиозных течений, которым был причинен вред, изучать литературу, разъясняющую суть учения, которому причинен ущерб, а также в обязательном порядке назначать религиозно-экспертную экспертизу, предусмотренную приказом Министерства юстиции РФ¹. Указанное исследование проводится для установления в деятельности организации признаков религиозного объединения [8, с. 130], что выступает основой квалификации преступления по экстремистским мотивам.

Религиозная ненависть или вражда может быть обращена как к лицу иной религии или конфессии [9, с. 199], так и преступное посягательство может быть совершено и в отношении лиц, равнодушно относящихся к религии, так и последними [10, с. 206].

Квалификация вандализма по ч. 2 ст. 214 УК РФ исключается, если мотивом преступного посягательства выступает личная неприязнь к сотруднику религиозной организации (например, к настоятелю храма) или конфликтная ситуация, которая не связана с религиозной деятельностью человека.

Законодатель, признав социальную группу одним из признаков экстремистского мотива, существенно расширил его содержание. Результаты проведенного опроса 110 практических сотрудников

свидетельствуют, что исследуемый признак экстремистских мотивов вызывает наибольшие сложности у субъектов правоприменения по причине отсутствия законодательного закрепления как самого понятия, так и его признаков. Трудности при квалификации экстремистских мотивов по указанному признаку возникали у 70% опрошенных респондентов.

Классическое определение социальной группы в социологии дано Робертом Мертоном и характеризует ее как совокупность взаимодействующих индивидов, осознающих себя членами группы, в том числе они должны признаваться таковыми с позиции других членов общества [11, с. 428]. Сторонники одной из точек зрения считают это понятие слишком широким [12, с. 35; 13, с. 59], ряд авторов требуют обязательного закрепления признаков на законодательном уровне [14, с. 40; 15, с. 73; 16, с. 87, 89–90].

Обоснованным считается, что отсутствие четкого понимания субъектами правоприменения дефиниции «социальная группа» порождает сложности [17, с. 109], поскольку отсутствуют ответы на вопросы: какие группы признаются социальными и могут ли таковыми признаваться профессиональные и неформальные объединения?

Изучение судебной практики Верховного Суда РФ показывает, что социальной группой признаются группы людей, объединенных по самым различным признакам. Так, социальными группами были признаны лица без определенного места жительства² и «панки»³. В своих

¹ О государственной религиозно-экспертной экспертизе (вместе с "Порядком проведения государственной религиозно-экспертной экспертизы", "Положением об экспертном совете по проведению государственной религиозно-экспертной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации"): приказ Минюста РФ от 18 февр. 2009 г. № 53. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_85434 (дата обращения: 04.05.2021).

² Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.03.2013 N 44–О13–11. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=67418796906378668737508377&cacheid=EE33DE82A9151EEDCD9D3282CACCF108&mode=splus&base=ARB&n=332185&rnd=0.5271368032935773#1hkthv8vvzt> (дата обращения: 14.05.2021).

³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 07.07.2011 N 8–О11–10. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req>

доводах Суд разъясняет, что организация группы может быть как социальной, так и антисоциальной, что не должно влиять на квалификацию действий виновного лица.

Таким образом, понятие «социальная группа» в контексте экстремистского мотива представляет собой совокупность людей, объединенную по какому-либо признаку, признающими себя частью этого сообщества, а также получившими такое признание со стороны других членов общества. По каждому факту совершения общественно опасных деяний по исследуемому критерию требуется своевременное назначение и проведение установленных законом экспертиз и исследований, в том числе социологических, поскольку от них зависит правильная квалификация деяния [18, с. 239]. Стоит согласиться с точкой зрения, согласно которой грамотно поставленные специалисту вопросы значительно влияют на результат проведенных экспертиз [19, с. 116; 20, с. 210]. Согласно сложившейся судебно-следственной практики количественный состав социальной группы для квалификации значения не имеет.

Следует отметить, что в ряде случаев установление экстремистского мотива предполагает выяснение цели совершения преступного деяния [21, с. 109].

Проблема установления точной цели совершения преступлений по экстремистским мотивам ранее отражалась в научных работах. В них обращалось внимание на то, что действия, трактуемые в законе как экстремизм, не являются причиной и целью самих себя [22, с. 71]. Представляется, что при совершении преступления по указанным мотивам лицо преследует определенную цель, сформировавшуюся в его сознании под влиянием определенных факторов, под-

лежащих установлению в рамках расследования уголовного дела.

В качестве примера рассмотрим одно из судебных решений. Так, в период времени с 23 часов 00 минут 4 сентября 2014 г. до 08 часов 45 минут 6 сентября 2014 г. С., имея умысел на нанесение фашистской свастики и надписей националистического характера на стены и двери подъезда, действуя по мотивам национальной ненависти, на входной двери, ведущей в подъезд, а также на кирпичной стене умышленно нанес знаки фашистской свастики и надпись националистического характера «Россия для русских». С. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 214 УК РФ¹.

В ходе судебного заседания было установлено, что С. относит себя к националистам, с отрицанием относится к лицам кавказской национальности, узбекам, таджикам, афроамериканцам, считает, что в России не место другим национальностям, кроме русских.

В рассмотренном судебном решении находит свое отражение экстремистская цель совершения преступного посяательства – пропаганда превосходства по национальному признаку (принадлежности). Побудительной силой совершения общественно опасного деяния выступила идеология экстремизма, основу которой составляют нетерпимость, ксенофобия и ультранационализм².

Особую сложность для квалификации представляют случаи квалификации вандализма, совершенного по экстре-

¹ Приговор мирового суда судебного участка №6 г. Коврова и Ковровского района (Владимирская область) от 26 января 2015 г. дело № 1-2/2015. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/UnikSX8KySgv/> (дата обращения: 01.06.2021).

² Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе: резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 2003 г. № 1344. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30193837 (дата обращения: 01.06.2021).

=doc&ts=183096863302933009715257382&cacheid=AF34E9ED38641AF3DD194D362DA3594C&mode=splus&base=ARB&n=325702&rnd=0.5271368032935773#2jk7f9fy5xk (дата обращения: 14.05.2021).

мистским мотивам в соучастии. В случаях, когда исполнителю не было известно о мотивах других соучастников преступного деяния, таковые ему не вменяются. Однако квалифицирующие мотивы могут вменяться соучастникам, которые осознавали наличие исследуемых побуждений [23, с. 92].

Выводы

Преступное посягательство, совершенное по одному из побуждений, указанных в ч. 2 ст. 214 УК РФ, квалифицируется как преступление, совершенное по экстремистским мотивам только при наличии ненависти или вражды. В случаях их отсутствия совершенное деяние не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 214 УК РФ.

По причине оценочности понятия «социальная группа» правоприменители испытывают сложности при установлении этого признака. Представляется обоснованным разъяснение этого определения на уровне судебного толкования либо дополнения УК РФ соответствующей нормой-дефиницией.

При изучении судебно-следственной практики установлено, что при совершении вандализма по экстремистским мотивам во многих ситуациях требуется дополнительная квалификация по совокупности с другими статьями УК РФ (ст. 319, 280, 282 и пр.), в ряде случаев виновные лица наряду с уголовной привлекаются к административной ответственности (ст. 20.3.1 КоАП РФ и пр.). Важным моментом при квалификации действий виновного лица по ч. 2 ст. 214 УК РФ является отсутствие в указанной норме таких признаков, как пол, язык и происхождение, которые закреплены в ст. 282 УК РФ. При совершении вандализма, когда лицо действия, возбуждающие ненависть или вражду по указанным признакам, виновному лицу по совокупности вменяется совершение преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, или оно при наличии соответствующих признаков привлекается к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ. Вандализм в данном случае квалифицируется по ч. 1 ст. 214 УК РФ.

Список литературы

1. Пашутина О. С. Вандализм как преступление против общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. 221 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 939 с.
3. Ратинов А. Р., Кроз В. Ответственность за разжигание вражды и ненависти: психолого-правовая характеристика: монография / под ред. А. Р. Ратинова. М.: Юрлитинформ, 2005. 256 с.
4. Кунашев А. А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 27с.
5. Касперович Ю. Г. Мотивация экстремизма и факторы его формирования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 2 (49). С. 81–84.
6. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2010. 256 с.
7. Юрьева Н. В. Призывы к осуществлению экстремистской деятельности // Актуальные проблемы науки и практики. 2017. № 4(009). С. 89–95.
8. Хаснутдинов Р. Р., Пищулина Я. А. Значение религиоведческой экспертизы по делам об экстремизме // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2(50). С. 128–132.

9. Иванова Т. Е. Соотношение публичных действий, оскорбляющих религиозные чувства верующих, с преступлениями экстремистской направленности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 198–202.
10. Хуснуллин Р. Р., Новаковская А. В. Экстремизм как уголовно-правовая категория // Актуальные проблемы противодействия идеологии терроризма и экстремизма в современном обществе: материалы городской научно-практической конференции. Казань: Казан. гос. техн. ун-т им. А. Н. Туполева, 2018. С. 204–207.
11. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873 с.
12. Мелешко Д. А. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 35–36.
13. Михайлов С. В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4(100). С. 50–64.
14. Руева Е. О., Вражнов А. С. Проблемы формулирования дефиниций в преступлениях экстремистской направленности // Российский следователь. 2019. № 4. С. 36–40.
15. Борисов С. В. Проблемы уголовно-правового понятия преступлений экстремистской направленности // Закон и право. 2009. № 3. С. 73–74.
16. Бикеев И. И., Никитин А. Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование: монография. Казань: Познание, 2011. 320 с.
17. Алдохина В. В. Проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3(20). С. 108–111.
18. Журбенко А. М., Симоненко Е. И. Особенности возбуждения уголовного дела по делам, связанным с осуществлением экстремистской деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 6(75). С. 235–240.
19. Грушихина В. А. К вопросу об особенностях проведения психолого-лингвистических исследований материалов, содержащих признаки экстремизма // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4(67). С. 113–117.
20. Ахмедов У. Н. Особенности возбуждения уголовных дел по признакам преступлений экстремистской направленности // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2018. № 4-1. С. 205–213.
21. Батюкова В. Е. Некоторые проблемы определения содержания хулиганского и экстремистского мотива // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 106–110.
22. Сафин Н. М. О мотивах преступлений экстремистской направленности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 70–72.
23. Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания: монография / В. К. Андрианов, И. И. Голубов, В. В. Кустова, Д. А. Мелешко, В. А. Новиков, О. А. Мотин, А. С. Некоз, К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров, Ю. Е. Пудовочкин, М. В. Расказова, А. Ю. Решетников, А. А. Толкаченко, А. В. Украинчик; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2019. 507 с.

References

1. Pashutina O. S. Vandalizm kak prestuplenie protiv obshchestvennogo poryadka. Diss. kand. yurid. nauk [Vandalism as a crime against public order. Cand. legal sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 221 p.

2. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, OOO "ITI Tekhnologii" Publ., 2008. 939 p.
3. Ratinov A. R., Kroz V. Otvetstvennost' za razzhiganie vrazhdy i nenavisti: psihologo-pravovaya harakteristika [Responsibility for inciting hostility and hatred: psychological and legal characteristics]; ed. by A. R. Ratinov. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 256 p.
4. Kunashev A. A. Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugodnom prave Rossii. Avtoref. diss. kand. yurid. nauk [Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia. Cand. legal sci. abstract diss.]. Moscow, 2012. 27 p.
5. Kasperovich Yu. G. Motivatsiya ekstremizma i faktory ego formirovaniya [Motivation of extremism and factors of its formation]. *Psihopedagogika v pravoohranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in law enforcement agencies*, 2012, no. 2 (49), pp. 81–84.
6. Borisov S. V. Prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti: problemy zakonodatel'stva, teorii i praktiki [Extremist crimes: problems of legislation, theory and practice]. Moscow, International Law Institute Publ., 2010. 256 p.
7. Yur'eva N. V. Prizvyvy k osushchestvleniyu ekstremistskoj deyatel'nosti [Calls for extremist activity]. *Aktual'nye problemy nauki i praktiki = Actual problems of science and practice*, 2017, no. 4(009), pp. 89–95.
8. Hasnutdinov R. R., Pishchulina Ya. A. Znachenie religiovedcheskoj ekspertizy po delam ob ekstremizme [The significance of religious studies expertise in cases of extremism]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2020, no. 11-2(50), pp. 128–132.
9. Ivanova T. E. Sootnoshenie publicnykh deystvij, oskorblyayushchih religioznye chuvstva veruyushchih, s prestupleniyami ekstremistskoj napravlenosti [Correlation of public actions that offend the religious feelings of believers with extremist crimes]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 4, pp. 198–202.
10. Husnullin R. R., Novakovskaya A. V. [Extremism as a criminal legal category]. *Aktual'nye problemy protivodeystviya ideologii terrorizma i ekstremizma v sovremennom obshchestve. Materialy gorodskoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Actual problems of countering the ideology of terrorism and extremism in modern society. Materials of the city scientific and practical conference]. Kazan', Kazan. St. Techn. Univ. named after A. N. Tupoleva Publ., 2018, pp. 204–207. (In Russ.).
11. Merton R. Social'naya teoriya i social'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, AST Publ., Hranitel' Publ., 2006. 873 p.
12. Meleshko D. A. Spornye voprosy kvalifikatsii prestuplenij, sovershennykh po motivam nenavisti ili vrazhdy v otnoshenii social'noj gruppy [Controversial issues of qualification of crimes committed on the grounds of hatred or enmity against a social group]. *Rossiyskaya yusticiya = Russian Justice*, 2018, no. 1, pp. 35–36.
13. Mihajlov S. V. Yuridicheskij analiz definicii ekstremizma [Legal analysis of the definition of extremism]. *Sud'ya = Judge*, 2019, no. 4(100), pp. 50–64.
14. Rueva E. O., Vrazhnov A. S. Problemy formulirovaniya definicij v prestupleniyah ekstremistskoj napravlenosti [Problems of defining definitions in extremist crimes]. *Rossiyskij sledovatel' = Russian investigator*, 2019, no. 4, pp. 36–40.
15. Borisov S. V. Problemy ugodno-pravovogo ponyatiya prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti [Problems of the criminal-legal concept of extremist crimes]. *Zakon i pravo = Law and Law*, 2009, no. 3, pp. 73–74.
16. Bikeev I. I., Nikitin A. G. Ekstremizm: mezhdisciplinarnoe pravovoe issledovanie [Extremism: an interdisciplinary legal study]. Kazan, Poznanie Publ., 2011. 320 p.
17. Aldohina V. V. Problemy kvalifikatsii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti [Problems of qualification of extremist crimes]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo univer-*

siteta. Seriya: Istoriya i pravo = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2016, no. 3(20), pp. 108–111.

18. Zhurbenko A. M., Simonenko E. I. Osobennosti возбужdeniya ugovnogo dela po delam, svyazannym s osushchestvleniem ekstremistskoj deyatel'nosti [Features of the initiation of criminal proceedings in cases related to the implementation of extremist activities]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*, 2017, no. 6(75), pp. 235–240.

19. Grushihina V. A. K voprosu ob osobennostyah provedeniya psihologo-lingvisticheskikh issledovaniy materialov, sodержashchih priznaki ekstremizma [On the question of the peculiarities of conducting psychological and linguistic research of materials containing signs of extremism]. *Sibirskij yuridicheskij vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2014, no. 4(67), pp. 113–117.

20. Ahmedov U. N. Osobennosti возбужdeniya ugovnyh del po priznakam prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti [Features of the initiation of criminal cases on the grounds of extremist crimes]. *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii = Public security, legality and law and order in the III millennium*, 2018, no. 4-1, pp. 205–213.

21. Batyukova V. E. Nekotorye problemy opredeleniya sodержaniya huliganskogo i ekstremistskogo motiva [Some problems of determining the content of hooligan and extremist motives]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 3, pp. 106–110.

22. Safin N. M. O motivah prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti [About the motives of extremist crimes]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2010, no. 2, pp. 70–72.

23. Andrianov V. K., Golubov I. I., Kustova V. V., Meleshko D. A., Novikov V. A., Motin O. A., Nekoz A. S., Obrazhiev K. V., Pikurov N. I., Pudovochkin Yu. E., Rasskazova M. V., Reshetnikov A. Yu., Tolkachenko A. A., Ukrainchik A. V. Souchastie v prestuplenii: problemy kvalifikatsii i naznacheniya nakazaniya [Complicity in a crime: problems of qualification and sentencing]; ed. by Yu. E. Pudovochkin. Moscow, Ros. St. Univ. of Justice Publ., 2019. 507 p.

Информация об авторе / Information about the Author

Налимов Юрий Дмитриевич, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9058-6495

Yuri D. Nalimov, Adjunct of the Faculty of Training of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel, V. Ya. Kikotya Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation,
e-mail: nastia.nalimowa@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-9058-6495